

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Не святая Русь

(Религия Горького)

Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. -- СПб.: РХГИ, 1997.
-- (Русский путь).
OCR Бычков М. Н.

I

Куда идет Россия? Великие русские писатели отвечают на этот вопрос, -- как бы вечные вехи указывают путь России.

Последняя веха -- Толстой. За ним -- никого, как будто кончились пути России. За Толстым никого -- или Горький.

По сравнению с теми, великими, Горький мал. Мало все, что рождается; велико все, что выросло, достигло своего предела и конца. Великим кажется прошлое, малым -- будущее. Вот почему Горький и те, великие, -- младенец и взрослые, росток из-под земли едва пробившийся, и дремучие, древние дубы. Но они кончают, а он начинает. Они -- настоящее и прошлое, а он -- будущее. Откуда идет Россия, можно судить по ним, а куда, -- по Горькому.

Сознание, идущее к стихии народной, воплотилось в тех, великих. Обратное движение -- народная стихия, идущая к сознанию, воплотилась в Горьком.

Сознание над стихией властвует. Народ, идущий к сознанию, есть народ, идущий к власти. Возникающее сознание народа -- возникающая власть народа -- "народовластие", "демократия". Горький есть первый и единственный сейчас представитель возникающей русской демократии.

Лица тех великих -- гениально личные, неповторяемые; таких лиц никогда еще не было и никогда уже не будет. У Горьких как бы вовсе нет лица; лицо как у всех собирательное, множественное, всенародное. Но правда единственных, правда личностей ("аристократия" в высшем смысле) уже совершилась, достигнута; а правда всех, правда множества ("демократия" тоже в высшем смысле) еще только совершается, достигается. Последнее, величайшее явление личности -- в тех великих; первое, самое малое явление всенародности -- в Горьком.

Нас пугает безличность множества. Но, ведь, всякий зародыш безличен, всякое семя без-образно, а между тем таит в себе возможность нового прекраснейшего образа, новой совершеннейшей личности. Если семя не умрет, то не оживет: надо умереть одному, чтобы ожить всем; надо умереть личности, чтобы ожить множеству.

Те великие слишком сложны; потому-то и стремятся так жадно к простоте, к всенародной или только простонародной стихийности. Горький слишком прост; потому-то и стремится так жадно к сознательной или только к полусознательной сложности.

Как явление художественного творчества, Толстой и Достоевский неизмеримо значительнее Горького. О них можно судить по тому, что они говорят; о Горьком -- нельзя: важнее всего, что он говорит, то что он есть. Самая возможность такого явления, как он, как они -- потому что он -- многие или будет многими, самая возможность эта, в смысле жизненном, не менее значительна, чем все художественное творчество Толстого и Достоевского.

В этом же смысле жизненном, он, "малый", -- не меньшее знамение времени, чем те великие. И, может быть, сейчас не в них, а в него надо взглянуться, чтобы понять наше время, ответить на вопрос, куда идет Россия.

II

Несколько лет назад предсказывали "конец Горького". В предсказании была правда и ложь. Как пророк "сверхчеловеческого босячества" Горький действительно кончился. Но кончился один Горький -- начался другой.

Страшное испытание огнем -- ложною славой -- выдержал он, как немногие. Сделал, хотя бы бессознательно, то, что способны делать только самые сильные русские люди -- "сжечь все, чему